

А. А. Туранов

**К ВОПРОСУ О ЗНАНИИ ЯЗЫКОВ МЕСТНЫХ НАРОДОВ
ПРАВОСЛАВНЫМ ДУХОВЕНСТВОМ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX вв.**

Массовая христианизация народов Волго-Камского региона в XVIII в. предъявила требования к знанию их языков духовенством, которому отводилась основная роль в просвещении «инородцев». Этот фактор оказался востребован в конце XVIII – начале XIX вв. как необходимостью укрепления новокрещен в православной вере, так и усилившимся научным интересом к языкам народов России: составлением грамматик и словарей, переводом на эти языки религиозных текстов. Однако до настоящего времени состояние знания языков духовенством не описано ни качественно, ни количественно, что делает представления о роли духовенства в этих процессах умозрительными. Настоящая статья имеет цель дать количественную и качественную оценку уровня знания языков местных народов духовенством Вятской епархии и определить его потенциальные возможности в работе с прозелитами и содействии науке. В качестве источников к исследованию привлекаются документы начала XIX в. из архивов Удмуртии и Кировской области. Определение уровня знания языков в 1815 г. осуществляется с использованием статистических методов, оценка состояния в 1780–1800 гг. выполнена ретроспективным методом. Результаты исследования, дающие количественные и качественные характеристики, представлены в виде таблиц. Эти показатели позволяют прийти к выводу о достаточном обеспечении новокрещенских приходов Вятской епархии духовенством, знающим финно-угорские языки, и нехватке знающих язык татарский, а также проясняют условия, при которых создавались первые переводные произведения на удмуртском и марийском языках.

Ключевые слова: Вятская губерния, вятское духовенство, новокрещенские приходы, удмуртский язык, марийский язык, коми-пермяцкий язык, татарский язык, уровень знания языков, количественная оценка.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-117-133

Во второй половине XVIII–начале XIX вв. начинается создание письменности многих народов Приволжья и Прикамья, делаются первые шаги в становлении их литературных языков. Значительную роль в этих процессах – от создания первых грамматик и словарей, до переводов на национальные языки книг Библии – сыграло православное духовенство. Очевидно, что для такой работы духовенство (хотя бы некоторая его часть) само должно было обладать знанием языков и творческими способностями.

Известно также, что начатая в середине XVIII в. активная миссионерская деятельность Русской православной церкви среди народов Приволжья и Прикамья к концу столетия была практически свернута, и в первой четверти XIX в. работа по укреплению в вере новокрещен и просвещению неопитов велась кое-как лишь приходским духовенством. Количество новообращенных в этот период было относительно невелико. Знание же священнослужителями природного языка населения, среди которого велось служение, способствовало успеху их деятельности.

Однако вопрос о знании православным духовенством языков местных народов остается недостаточно изученным. В настоящей статье автор обращается к рассмотрению вопроса о знании языков православным духовенством Вятской епархии¹ в конце XVIII – начале XIX вв. с целью дать хотя бы предварительные количественные и качественные оценки его уровня, и тем определить потенциал, имевшийся в епархии, для успешной работы с нерусским населением новокрещенских приходов и для осуществления переводов религиозных текстов.

История и современное состояние вопроса

Изучение языков и первые шаги в создании письменности многих народов России в XVIII в. тесно связаны с их христианизацией. Уже при Петре I миссионерская деятельность увязывалась с необходимостью подготовки священнослужителей из среды вновь обращаемых в христианство

¹ Вятская епархия рассматривается в границах начала XIX в., максимально соответствующих границам Вятской губернии.

народов. Такие шаги предпринимались и в Волго-Камском регионе: в Казанской семинарии² вместе с детьми духовенства обучались дети новокрещённых, а в 1732 г. был поднят вопрос об устройстве для них специальных школ [Луппов 1999, 106–110]. Об обучении в 1733 г. в Казани в школе при Зилантовом монастыре марийских, мордовских, калмыцких и татарских детей русскому и латинскому языкам, философии и принципам христианства свидетельствует посетивший школу участник Великой Северной экспедиции И. Гмелин [Gmelin 1767, 19]. В 1735 и в 1740 гг. были изданы указы об открытии в Казанской епархии четырех школ для обучения детей некрещённых и новокрещённых «инородцев» с перспективой их последующего определения к службе в церкви [ПСЗРИ 1830, Т. IX. 483; Т. XI. 255]. Одна из этих школ действовала уже с первой половины 1730-х в Свияжске. Остальные новокрещенские школы открыты были только к 1750 г. Однако уже в 1754 г. все они были сведены в одну Казанскую новокрещенскую школу, которая просуществовала до конца XVIII века.

В то же время и русскому православному духовенству предписывалось изучать языки народов, среди которых им приходится служить, и обучать языкам своих детей. Предпринимались попытки привлечения к делу православного просвещения знающих «инородческие» языки грамотных русских людей из числа духовенства, купечества и бедного дворянства. Так, в частности, в 1740 г. одним из указов предлагалось собрать в С.-Петербурге 45 человек из Казанской и Архангелогородской епархий и, обучив всему «что до священства принадлежит», произвести их в диаконы и священники, и отпустить для определения в те же епархии, чтобы они проживающим там народам «на их языках могли проповеди чинить» [ПСЗРИ 1830, Т. XI. 9–10].

В свете указов правительства и епархиальные архиереи не оставляли забот об обучении духовенства языкам местных народов. Так вятский владыка епископ Лаврентий (Баранович) в октябре 1784 г. сделал приказание, подтверждающее священникам новокрещенских приходов необходимость изучения языка своих прихожан, «дабы они старались и сами их язык разуметь, и детей своих с младенчества тем же языкам обучать непременно». А в качестве стимула знающим языки обещалось преимущество при назначении на церковные должности в новокрещенских приходах [ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 87. Д. 534. Л. 1].

Об успехах всех этих начинаний судить сложно. Уже в 1764 г. Сенат и Синод общим мнением предлагали Екатерине II закрыть школы для новокрещенских детей, учрежденные в Казанской губернии, при этом утверждалось, что «в новокрещенских жительствовах при церквях из священно и церковнослужителей довольно уже есть таких, кои их иноверческие языки <...> знают». Однако Екатерина II «собственноручным подписанием» повелела школ не закрывать и сохранила возможность определения выучившихся воспитанников в священноцерковнослужители [ПСЗРИ 1830, Т. XVI. 705–707]. В исследовательской литературе высказывались разные мнения об эффективности принимавшихся мер, но, как бы то ни было, в приходах с «инородческим» населением в заметном количестве появились священноцерковнослужители, знающие язык своих прихожан. Уже их дети, усваивавшие язык с ранних лет, в конце XVIII в. принимали участие в составлении первых грамматик и словарей языков местных народов, а в начале XIX в. переводили на эти языки христианские вероучительные тексты, молитвы и книги Священного Писания.

К изучению этих первых работ (истории их создания, языковых особенностей, биографий отдельных переводчиков и др.) обращались многие исследователи. Однако исследований, раскрывающих общие количественные и качественные характеристики части духовного сословия, знающей языки местных народов, из рядов которой и выдвинулись творческие личности, приложившие свои способности к составлению словарей, грамматик и созданию переводов, автору видеть не приходилось. Вместе с тем эти сведения могли бы быть весьма полезны для понимания особенностей, как переводческой деятельности духовенства, так и всего процесса миссионерской деятельности среди разных народов.

Отсутствие подобных исследований связано, вероятно, с отсутствием источников, необходимых для их реализации. По опубликованным материалам можно составить лишь небольшие списки лиц духовного звания, знавших языки своих прихожан и принимавших участие в работах по их изучению и составлению переводов. Так, в Вятской епархии в период с 1780 по 1824 гг. вопросами перевода на марийский язык занимались не менее 12 человек, а в связи с удмуртскими переводами упо-

² Значительная часть приходов южных уездов Вятской губернии, населенных удмуртами, марийцами и татарами, до 1791 г. относилась к Казанской епархии, и дети их могли обучаться лишь в Казани, чем и обусловлено внимание к происходившим там процессам.

минались не менее 19 человек, знавших этот язык³. Но очевидно, что достаточно полного и верного представления о знании вятским духовенством языков местных народов сведения эти дать не могут.

Однако применительно к Вятской епархии начала XIX в. источники для проведения исследования на предмет знания языков духовенством всё же имеются.

Источники для исследования

Появление документов, содержащих информацию по заявленной теме, было обусловлено тем, что отсутствие в консистории точных данных о населении приходов в разных уездах, а также сведений о знании «новокрещенских» языков претендентами на занятие вакантных мест в церквях, вело к трудностям с их назначением, многократным переменах места службы священноцерковнослужителями из-за незнания языка прихожан, и, как следствие, к значительному увеличению делопроизводства и неразберихе. Такое положение в конце концов вынудило епархиальное начальство принять меры по его упорядочению. В июне 1811 г. вятский архиерей епископ Гедеон предписал Вятской духовной консистории: «... дабы избежать нам в сем случае затруднения распубликовать по всей епархии, чтоб благочинные непременно в ведомостях показывали где вотяцкие приходы, где черемисские и кто из священноцерковнослужителей знает какой язык. А сверх того, чтобы и священноцерковнослужители подающие прозбы, какия бы они ни были, непременно означали, кто из них знает вотяцкий или черемисский язык» [ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 65. Л. 54]. В скором времени соответствующие указы были разосланы консисторией в подведомственные места⁴, в результате чего с 1811 г. в клировых ведомостях церковью Вятской епархии появляются сведения о национальном составе их прихожан и о знании языков штатными членами причта. Эти ведомости и могут быть использованы в качестве источников. В настоящей работе автор использует ведомости за 1815 г., хранящиеся в Центральном Государственном архиве Удмуртской Республики.

Поскольку указ консистории давал только самые общие указания о предоставлении сведений, то требуемое отражалось в ведомостях каждым благочинным по-своему. Вследствие этого в форме представления сведений наблюдается большое разнообразие. Многие благочинные приводили сведения обо всех народах – русских, удмуртах, марийцах, татарах, коми-пермяках, бесермянах, – находящихся в числе прихожан подведомственных им церковей. Чаще всего эти сведения помещались в общей характеристике церкви, там же где приводились и сведения о количестве прихожан, но, например, Балезинский благочинный, помещал их в отдельной строке в начале ведомости каждой церкви, через запятую после названия села. А некоторые вообще умалчивали о национальном составе, что более характерно для округов с русским населением: указ ведь, формально, предписывал указывать только удмуртов и марийцев, а если их нет, – то и указывать некого.

Ещё большее разнообразие – и по форме представления, и по содержанию – наблюдается в указании знания языков членами причта. Эти сведения в ведомостях различных благочиний приводятся в одном из следующих мест:

1) в отдельной графе – в столбце, расположенном в средней части ведомости, или крайнем справа, с различными вариантами заглавия: «Кто из священно и церковно служителей на каком диалекте может говорить», «Кто знает или не знает вотяцкий или черемисский языки», «Кто какие знает языки», «Знает ли кто из них кроме русского вотский и черемисский языки», «Кто из них знает вотский, черемисский и татарский языки», «Кто на каком языке говорить умеет» и др.;

2) в графе с послужным списком, как правило, в его конце; при этом заглавие графы иногда содержит указания типа: «кто какой знает новокрещенский язык», «кроме российского не знает ли других каких языков?», «знает ли прихожан разговор?»;

3) в графе «Каких качеств и поведения», при этом заглавие графы дополнено фразой типа «...и знает ли язык состоящих в приходе, кроме русских» или «...и прочие замечания»;

4) в одном благочинном округе – в графе именованная, после записи должности и полного имени члена причта, при этом заглавие графы дополнено фразой «Кто знает какой язык»;

5) в нескольких церквях – в общей характеристике церкви записью типа: «Вотский разговор все священноцерковнослужители знают твёрдо».

³ При подсчете использованы следующие работы: [Ильминский 1885, 103], [Луппов 1905, 9, 11], [Сергеев 2017, 18], [Туранов 2017, 55–56], [Туранов 2018, 83], [Туранов 2019, 498–499], [Туранов 2021, 105], [Чураков 2016, 185].

⁴ В Глазовское духовное правление, например, указ был послан 23 июня 1811 г. за № 2880.

Поскольку действие указа распространялось лишь на определяющихся к должности и наличных штатных членов причта, то сведения о знании языков лицами, вышедшими за штат, как правило, не приводятся: так, например, нет указаний о знании удмуртского языка священниками А. Бабайловым и З. Кротовым, переведившими молитвы в 1803 г., но к 1815 г. вышедшими за штат. Лишь в 7 церквях приведены сведения о знании языков заштатными служителями, а в одной — даже и двумя женщинами, причетническими вдовами. В исследовании с целью обеспечения однообразия исходных данных при оценке текущего состояния в 1815 г. использованы сведения только о лицах непосредственно служащих в церкви на штатных должностях, а при выяснении состояния в конце XVIII в. — включая и заштатных.

В некоторых округах указания о знании языков даются для каждого члена причта — по типу «язык знает» или «язык не знает», — это позволяет судить о количестве знающих языки вполне определённо. Однако в большей части клировых ведомостей точных указаний о незнании языков не приводится, что можно толковать по-разному: и как незнание языка членом причта, и как отсутствие сведений у благочинного, и как пропуск сведений по каким-то другим причинам, т.е. уверенно судить о незнании языка нельзя. Кроме того, значительная часть ведомостей по невыясненным причинам вообще не содержит каких-либо указаний о знании языков⁵, в результате чего всех знающих язык выявить не удастся.

Впрочем, разнообразие представления сведений о духовенстве в клировых ведомостях различных округов существует не только в части знания языков, такая же картина наблюдается и в отношении других характеристик, использованных в настоящем исследовании. Так зачастую в послужном списке указывается лишь дата рукоположения в настоящий сан, определения на настоящую должность, поступления к данной церкви, а вся предшествующая служба опускается; иногда не приводятся и указания об образовании: обучался ли член причта в семинарии, новокрещенской школе или дома⁶. Такое разнообразие в ведомостях характерно для рассматриваемого времени, поэтому восстановление недостающих сведений возможно лишь с привлечением ведомостей за несколько лет и иных дополнительных источников, что весьма трудоёмко и не всегда оправдано.

Указанные особенности привлекаемых источников не позволяют надеяться на абсолютную точность результатов проводимого исследования, однако можно ожидать, что и оценочные выводы могут оказаться вполне репрезентативными. Это и будет показано далее.

Результаты исследования источников

Из клировых ведомостей всех церквей Вятской епархии за 1815 г. были выбраны сведения о наличных штатных служителях, знающих какой-либо «инородческий» язык. Случайность выборки подтверждена с помощью метода критерия знаков. Для наглядности результаты исследования представлены в виде таблиц. Поскольку далее речь пойдёт в основном о знающих инородческие языки лицах духовного звания, то для краткости изложения указания на это, как правило, опускаются, но приводятся при указании конкретного языка.

Общее представление

Общее представление о состоянии исследуемого вопроса в 1815 г. даёт табл. 1, где представлены выявленные сведения о количестве всех штатных священноцерковнослужителей и количестве знающих различные «инородческие» языки по всем уездам губернии. Существовавшие 10 уездов были неоднородны по национальному составу православного населения, условно их можно разделить на две равные группы по 5 уездов в каждой: на уезды с русским населением (с незначительным национальным компонентом) и уезды со смешанным населением (со значительным национальным компонентом). Из табл. 1 видно, что и суммарное количество наличных штатных священноцерковнослужителей в обеих этих группах сопоставимо.

Поскольку существовала целенаправленная политика в инородческие приходы назначать священноцерковнослужителей, знающих язык прихожан, то должна быть и корреляционная зависимость количества духовенства знающего языки от количества «инородцев», проживающих в уездах, которая и прослеживается по данным табл. 1. Очевидно, что в уездах и благочинных округах с русским населением, где инонациональное население отсутствовало, лица знающие языки оказывались по причинам, не связанным со знанием ими языков, и их наличие здесь носит случайный характер.

⁵ В основном в уездах с русским населением, но не только.

⁶ Часть этих сведений восстановлены автором по клировым ведомостям за 1809 г. [ЦГАУР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1053].

Таблица 1

Сведения о количестве штатных священноцерковнослужителей, знающих языки местных народов, по уездам Вятской епархии в 1815 г.*

Уезд	Кол-во налич. сцс.**; чел.	Количество знающих и не знающих языки, чел.						
		Нет сведений	Не знают	Знают	в т.ч. знают языки			
					удмуртский	марийский	коми-пермяц.	татарский
С русским населением								
Вятский	291	256	32	3	3	0	0	0
Котельничский	152	88	62	2	1	1	0	0
Орловский	189	189	0	0	0	0	0	0
Нолинский	162	151	11	0	0	0	0	0
Слободской	224	118	101	5	4	1	0	0
<i>Итого</i>	<i>1018</i>	<i>802</i>	<i>206</i>	<i>10</i>	<i>8</i>	<i>2</i>	<i>0</i>	<i>0</i>
Со смешанным населением								
Глазовский	184	40	63	81	77	0	5	0
Елабужский	151	63	55	33	32	11	0	1
Сарапульский	196	141	0	55	55	0	0	0
Уржумский	168	42	61	65	16	55***	0	3
Яранский	202	59	110	33	0	33	0	0
<i>Итого</i>	<i>901</i>	<i>345</i>	<i>289</i>	<i>267</i>	<i>180</i>	<i>99***</i>	<i>5</i>	<i>4</i>
ВСЕГО	1919	1147	495	277	188	101***	5	4

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а.

** сцс. – священноцерковнослужители.

*** В это число включены 2 чел. из церквей Уржумского благочиния, указанные знающими «*новокрещенский*» язык, из соображения большей вероятности, что этот язык – марийский: среди новокрещен здесь преобладали марийцы (хотя в причтах обеих церквей есть лица, владеющие и марийским и удмуртским языком).

Знающих языки выявлено всего 277 чел., из которых 257 чел. кроме русского знали только 1 язык, 19 чел. знали 2 языка (хотя и в разной степени), а священник с. Ципья Уржумского уезда И. Р. Воецкий знал 3 языка: «*вотский твёрдо, черемисский хорошо, татарский отчасти*». Большая часть этих лиц владела удмуртским языком – 188 чел., вторым по численности был марийский язык – 101 чел., в северных приходах Глазовского уезда 5 чел. знали коми-пермяцкий, а в Елабужском и Уржумском уездах 4 чел. знали татарский. Но поскольку сведения о знании и незнании языков в ведомостях представлены не для всех священноцерковнослужителей, а лишь для меньшей их части (составляющей 40,2%), то приведённые цифры нужно воспринимать лишь как минимальные возможные значения. К оценке полного количества знающих языки мы ещё вернёмся, сейчас же попытаемся качественно охарактеризовать эту часть духовенства.

Рассматривая качественные характеристики некоторой совокупности лиц (в данном случае вятского духовенства) мы переходим в область явлений социальных. В социологии традиционно точность оценивания принимают за 5%, а величину вероятности – за 0,95. При генеральной совокупности 1000–2000 ед. такая точность обеспечивается объёмом выборки 286 ед. [Мазур 2010, 135]. Полученная при проведении исследования естественная выборка в 772 чел. (о которых имеются сведения о знании или незнании языков), при генеральной совокупности 1919 чел. (наличное количество штатных служителей в церквях епархии) может обеспечить требуемую точность.

Представление о качественном уровне знания языков

Записи о знании языков зачастую содержат дополнительные указания позволяющие судить о его качественном уровне. Единой шкалы для оценки уровня знания «инородческих» языков среди духовенства не существовало, да и дающие оценку благочинные священники сами зачастую языка не знали, а записи делали, вероятно, по отзывам членов церковного причта. Поэтому сведения, приведенные в ведомостях, носят субъективный характер, что нашло отражение в разнообразии использованных определений. Все эти оценки можно условно свести к четырём уровням: 1) знает твёрдо, 2) знает достаточно, 3) знает отчасти, 4) знает мало.

Первый уровень соответствует отличному или очень хорошему знанию языка, сюда отнесены все указания, содержащие «усиливающие» эпитеты, как то: «твёрдо», «очень твёрдо», «довольно», «довольно искусен», «исправно», «хорошо», «натурально», «природно», «свободно» и т. п.

Второй уровень соответствует вполне удовлетворительному знанию языка, сюда отнесены все указания, не содержащие какого-либо определения при глаголе, как то: «язык знает», «говорить умеет», «говорит», «разговор понимает», «язык толкует», «язык понимает» и т. п.

Третий уровень – не вполне достаточное, частичное знание, что отмечено определениями типа: «отчасти», «несколько», «нетвёрдо», «хоть и в твёрдость не знает».

Четвертый уровень – малая степень знания, характеризуется словами: «малую часть знает», «мало знает», «малосведущ», «разговаривает немного», «говорить приобучается».

Какой-либо зависимости уровня знания языка по уездам не выявлено, да и при субъективности оценок и небольшой численности знающих языки в пределах одного уезда вряд ли следовало бы ожидать её высокой достоверности. Поэтому сведения об уровне знания языков представлены в табл. 2 в целом по губернии.

Таблица 2

**Качественные показатели знания языков местных народов священноцерковнослужителями
Вятской епархии в 1815 г. ***

Язык	Сведения об уровне владения языками, чел.:				Всего знают языки, чел.
	знает твердо	знает достаточно	знает отчасти	знает мало	
Удмуртский	43	105	36	4	188
Марийский	14	56	25	6	101
Коми-пермяцкий	0	1	4	0	5
Татарский	1	1	2	0	4
Итого	58	163	67	10	298**
	19,5%	54,7%	22,5%	3,3%	100%

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а.

** Лица, знавшие два или три языка, учтены дважды или трижды – по количеству знаемых языков.

Исходя из данных табл. 2 можно полагать, что в целом качественный уровень знания языков был достаточно высок: почти три четверти знающих языки священноцерковнослужителей владели им очень хорошо или вполне удовлетворительно. Речь, однако, может идти лишь о знании языка на бытовом разговорном уровне, поскольку собственных терминов и понятий, относящихся к христианской религии в языках местных народов не было.

Именно это обстоятельство, возможно, сыграло роль в том, что в 1803 г. знающие языки священноцерковнослужители не проявили особой активности при осуществлении переводов вероучительных христианских текстов и молитв. Так, в Глазовском уезде, где обнаруживается достаточно большое количество знающих удмуртский язык, при проведении опроса никто из них желания заняться переводом добровольно не изъявил, считая себя недостаточно «искусным» [Туранов 2021, 104]. Подобная ситуация наблюдалась и в Уржумском уезде, где из всех знающих языки согласились заниматься переводом на марийский только двое [Туранов 2018, 83]. В 1821 г. на это же обстоятельство обращал внимание воткинский благочинный протоиерей В. Блинов, представляя вятскому архиерею первый удмуртский перевод Евангелия Иоанна: «если найдутся в переводе сём какие недо-

статки, то единственно не зависящие от переводчиков, но от самого языка, – бедного в выражениях, и недостаточного в грамматических правилах» [Туранов 2017, 55].

Состав знающих языки по занимаемой должности

Распределение знающих языки по занимаемым штатным должностям представлено в табл. 3. Если принять во внимание, что в 1806 г. в среднем по епархии соотношение наличных штатных священников (включая протоиереев), диаконов, дьячков и пономарей было 1:0,6:1:1⁷, то очевидна диспропорция распределения знающих языки по должностям: количество знающих «инородческие» языки священнослужителей (протоиереев, священников и дьяконов) заметно превышало количество знающих язык причетников (дьячков и пономарей). Эта несоразмерность обусловлена, вероятно, тем, что христианским просвещением и проповедованием среди местного населения непосредственно должны были заниматься священнослужители, поэтому именно к ним в первую очередь и предъявлялись требования знания языка. Возможно, в силу служебной необходимости священнослужители были больше заинтересованы и проявляли большую активность в изучении языков своих прихожан. Не исключено, что в какой-то мере это и следствие указа 1784 г., обещающего преимущество знающим языки при определении к церковным должностям.

Таблица 3

Распределение знающих языки священноцерковнослужителей по занимаемым должностям*

Язык	Ед. изм.	Должность по штату					Итого
		Протоиерей	Священник	Дьякон	Дьячок	Пономарь	
Удмуртский	чел.	3	61	34	47	43	188
	%	34,0		18,1	47,9		100
Марийский	чел.	1	40	19	23	18	101
	%	40,6		18,8	40,6		100
Коми-пермяцкий	чел.	0	1	1	2	1	5
	%	20		20	60		100
Татарский	чел.	0	2	2	0	0	4
	%	50		50	0		100
ВСЕГО	чел.	3	94	52	67	61	277
	%	35,0		18,8	46,2		100

* Составлено по: ЦГА УР. Ф.134. Оп.1. Д.479а.

Исходя из данных табл. 3 можно предполагать корреляционную зависимость количества знающих языки от уровня образования и возраста: требования по уровню образования священнослужителей были значительно выше, чем причетников, и определение в священнический сан происходило в более зрелом возрасте.

Выпускники высших классов семинарии сразу определялись в священнослужители, что происходило в возрасте 22–25 лет. На причетнические же должности соискатели определялись, как правило, в юношеском, а не редко и в отроческом, возрасте. Это были лица с домашним образованием, или уволенные из низших классов семинарии. Прослужившие достаточно длительное время на причетнических должностях и проявившие способности к священнической деятельности рукополагались в дьяконы и священники. Таким образом, в результате продвижения по служебной лестнице могло происходить и перемещение некоторого числа знающих язык причетников в священнослужители.

Возрастной состав знающих языки

Представление о возрасте знающих языки даёт табл. 4. Пик численности – почти треть знающих языки – приходится на возрастную группу 25–34 лет: в этом возрасте все обучающиеся и празднующие уже определяются к штатным должностям или выходят из духовного сословия.

⁷ Рассчитано по: [Очерки истории... 2007, 147].

С увеличением возраста общая численность знающих языки постепенно падает, вероятно, по естественным причинам.

Таблица 4

Возрастной состав знающих языки штатных священноцерковнослужителей, чел.*

Должность	Группы возрастов, годы.							Итого	
	до 14	15-24	25-34	35-44	45-54	55-64	65 и старше		
Протоиерей	0	0	0	2	1	0	0	3	
Священник	0	0	27	31	21	14	1	94	
Дьякон	0	3	23	18	6	2	0	52	
Дьячок	3	21	19	9	10	4	1	67	
Пономарь	1	21	18	13	5	2	1	61	
Итого	чел.	4	45	87	73	43	22	3	277
	%	1,4	16,3	31,4	26,4	15,5	7,9	1,1	100

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а.

Очевидно, что средний возраст знающих языки причетников значительно ниже возраста священнослужителей – более трети из них моложе 25 лет. А поскольку в семинарии обучение «инородческим» языкам не велось, то такое значительное количество знающих языки молодых людей, может быть объяснено лишь их проживанием с детства в новокрещенских селах в тесном контакте с носителями языка.

Следует иметь в виду также, что в табл. 4 знающее языки молодое поколение представлено не все: значительная его часть в это время ещё находится в обучении, и сведения о знании ими языков в ведомостях церковей не приводятся. Об их количестве можно лишь ориентировочно судить по данным возрастной группы 25–34 лет, принимая во внимание приведённое ниже соотношение количества священнослужителей, определенных из семинаристов и из лиц с домашним образованием. Весьма вероятно, что знающих языки семинаристов в 1815 г. было около четырех десятков человек. В их числе были, в частности, будущие переводчики Евангелия на удмуртский язык С. Красноперов и Н. Утробин, произведенные по окончании семинарии в 1818 г. в священники: первый – в с. Алнаши, второй – в с. Укан [ЦГА КО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 44. Л. 420 об., 879 об.].

Состав знающих языки по уровню образования

По образованию среди знающих языки духовных лиц наблюдается большое разнообразие. Здесь представлены почти все возможные на Вятке варианты духовного обучения: домашнее, в новокрещенской школе, в различных отделениях Вятской семинарии и Казанской академии. При этом точно сопоставить уровень полученного в них образования вряд ли возможно – слишком это индивидуально. Лишь косвенно о достигнутых успехах в некоторой степени можно судить по занимаемой должности в церковном причте. Тем не менее, представляется, что уровень образования, полученный дома или в новокрещенской школе, не превышал уровня начальных классов семинарии. К сожалению, сведения об образовании в послужных списках 1815 г. не всегда имеются, частично эти пробелы удалось восполнить по ведомостям за 1809 г. Все выявленные сведения об образовании штатных служителей церковей сведены в табл. 5.

Представленные сведения показывают, что в 1815 г. большая часть знающих языки священноцерковнослужителей имела не семинарское, а домашнее образование. Однако такое положение дел имело тенденцию к изменению на обратное. Так, например, среди священников количество обучавшихся и не обучавшихся в семинарии примерно одинаковое, однако установлено, что в возрастной группе 25–34 лет их соотношение было примерно 3:1 в пользу первых, из которых более 2/3 закончили полный курс семинарских наук; в возрастной группе 35–44 лет обучавшихся и не обучавшихся в семинарии было примерно поровну, и среди первых окончившие богословие уже не составляли большинства; среди священников более старшего возраста преобладали лица с домашним образованием. Значительно больше доля лиц с домашним образованием была среди причетников, но и здесь в

возрастной группе 15–24 лет количество обучавшихся в семинарии (в начальных классах) оказалось больше, чем обучавшихся дома. Указанная тенденция отражает общий процесс повышения требований к уровню образования духовенства: в Вятской епархии в конце XVIII в. духовенству предписывалось в обязательном порядке отправлять своих детей на обучение в семинарию под угрозой наказания денежными штрафами.

Таблица 5

Сведения об образовании знающих языки штатных служителей*, чел.

Должность	Нет сведений	Д	НКШ	Обучавшиеся в семинарии**									
				И1	И2	РШ	Г	С	П	Р	Ф	Б	
Протоиерей	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	
Священник	5	44	0	2	1	1	3	0	0	9	6	23	
Дьякон	4	32	0	0	1	0	2	7	1	1	4	0	
Дьячок	6	43	1	1	1	1	4	6	3	1	0	0	
Пономарь	12	37	0	1	0	2	2	5	1	1	0	0	
ВСЕГО	чел.	27	156	1	4	3	4	11	18	5	12	10	26
	%	9,7	56,3	0,4	14,5				6,1			13,0	

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а; Д. 1053.

** Условные обозначения: Д – домашнее образование (в семинарии не обучался); НКШ – новокрещенская школа; названия классов семинарии: И1 – информатория, И2 – инфима, РШ – русская школа; Г – грамматика, С – синтаксима, П – поэзия, Р – риторика, Ф – философия, Б – богословие.

Уровень образования лиц знающих различные языки

Было бы интересно выяснить, нет ли какой-нибудь зависимости в уровне образования лиц знающих тот или иной язык. Однако корректно сравнить между собой уровень образования лиц знающих разные языки по имеющимся неполным данным вряд ли возможно, так как их количества по каждому языку сильно отличаются. Тем не менее, сами по себе выявленные сведения об образовании лиц, знающих тот или иной язык, могут представлять интерес. Сведения эти представлены в табл. 6.

Таблица 6

Сведения об образовании знающих различные языки*, чел.

Язык	Нет сведений	Д	НКШ	Обучавшиеся в семинарии**								
				И1	И2	РШ	Г	С	П	Р	Ф	Б
Удмуртский	14	99	1	2	1	2	7	16	5	9	9	23
Марийский	12	63	0	2	2	2	5	3	0	3	3	6
Коми-пермяцкий	1	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Татарский	0	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а; Д. 1053.

** Условные обозначения: Д – домашнее образование (в семинарии не обучался); НКШ – новокрещенская школа; названия классов семинарии: И1 – информатория, И2 – инфима, РШ – русская школа; Г – грамматика, С – синтаксима, П – поэзия, Р – риторика, Ф – философия, Б – богословие.

По данным табл. 6 легко подсчитать, что доля лиц с домашним образованием среди знающих удмуртский язык составляет не менее 52,7%, среди знающих марийский язык – не менее 62,4%. Такое значительное различие может быть следствием каких-то процессов и обстоятельств, возможно никак не связанных со знанием языка, однако объяснения ему найти пока не удалось.

Наблюдения о составе приходов и причтов

При изучении клировых ведомостей 335 церквей, действовавших в Вятской епархии в 1815 г.,

выявлено 69 приходов с прихожанами из коренных народов, из которых удмурты отмечены в составе прихожан в 31 приходе, марийцы – в 33, татары – в 9, коми-пермяки – в 3, бесермяне – в 1. Из-за описанных выше особенностей источника это количество нельзя считать полным. По сведениям П. Н. Луппова, например, удмурты в Вятской епархии проживали в 41 приходе [Луппов 1911, VI (2-я паг.)]. И все же есть основания полагать, что большую часть приходов с национальным населением выявить по источнику удалось.

В штатах подавляющего числа церквей с «инородческим» населением лица знающие местные языки имелись. При этом в районах с высокой концентрацией национального населения прослеживается общая зависимость количества знающих язык членов причта от соотношения русских и нерусских прихожан. В чисто новокрещенских приходах, язык прихожан знают, как правило, все служители церкви, не знающие языка здесь скорее исключение из правила. К таким можно отнести, например, приходы удмуртских сёл: Вавожа, Нылги, Пуже-Учи, Можги, Балезино, Полома, Елова (Глаз. уезда), Дебес; марийских сёл: Кувшинского, Улеша, Салабеляка, Люперсольского, Великопольского. В приходах со смешанным населением, где доля русских была значительна, языком коренного населения владела только часть церковного причта, и, как правило, чем меньше была доля новокрещен, тем меньше членов причта знали их языки. В приходах с небольшой долей новокрещен наблюдается значительный разброс: здесь знающих язык могло не быть вовсе, как например в сёлах Ст. Бурец, Нов. Бурец, Усад, Петровское, Челны, Качки, Кулыги и др., и, наоборот, их количество могло быть непропорционально большим, как, например, в приходе с. Святицкого (Глаз. уезда), где было лишь 20 домов удмуртов (менее 5% от общего количества), а из 7 членов церковного причта владели удмуртским языком 3 чел.

В целом же все приведенные выше сведения позволяют полагать, что в 1815 г. «инородческие» приходы Вятской епархии были довольно неплохо обеспечены священнослужителями, знающими язык местного населения, за исключением татарского. Впрочем, здесь крещёных татар в приходах было не так уж и много, в большинстве из них татары составляли лишь малую долю (не более 10%), и, проживая в окружении других народов, некоторая их часть могла изъясняться на разных языках, в том числе и русском. Поэтому возможности для преодоления затруднений в общении причта и прихожан имелись.

Оценка общего количества знающих языки штатных священноцерковнослужителей

Из приведенных выше сведений о минимально возможном количестве знающих «инородческие» языки служителей церкви в 1815 г. видно, что только выявленное количество знающих языки на порядок превышает известное из ранее опубликованных работ, и составляет около 15 % от фактического числа штатных священноцерковнослужителей Вятской епархии. Действительное же их количество, по видимому, значительно больше.

Можно ожидать, что некоторая часть знающих языки (несколько десятков человек) осталась не выявленной в уездах со смешанным населением: Глазовском, Елабужском, Сарапульском, Уржумском и Яранском. Так, в ведомости церкви с. Укан оказались не приведены сведения о знании удмуртского языка священником Н. Невоструевым, переведившим молитвы в 1803 г., а в ведомости церкви Воткинского завода – дьяконом П. Головизниным, переписывавшим перевод Евангелия Иоанна в 1821 году. Да и в уездах с русским составом прихожан отсутствие указаний о знающих «инородческие» языки нельзя считать за полное отсутствие таковых: поимённый просмотр списков служителей позволяет полагать, что такие лица могли быть и здесь. Так, в с. Лапугино служил пономарем В. Грачёв, сын священника удмуртского с. Вавож, выросший среди удмуртов, и, весьма вероятно, знавший удмуртский язык подобно своим братьям М. Грачёву (с. Вавож) и Г. Грачёву (с. Кулюшево). А дьячок с. Великорецкого Г. Вознесенский происходил из удмуртского с. Водзимонья, и, вероятно, знал удмуртский язык подобно отцу, священнику А. Вознесенскому, говорившему на удмуртском языке «натурально». Возможно, подобно им в русских уездах были и другие представители новокрещенских сел, знавшие языки, но не отмеченные в ведомостях из-за невостребованности этих способностей по новому месту службы.

А можно ли оценить полное количество знающих языки? Попытаемся сделать это методами статистики.

Выше отмечалась неравномерность расселения разных народов на территории Вятской губернии, следствием чего была неравномерность распределения знающих языки духовных лиц по уездам, благочинным округам и приходам. В социологическом исследовании этот фактор должен быть учтен при со-

ставлении выборки. Однако мы имеем дело с естественной выборкой, полученной обработкой архивных источников, имеющей случайный характер, поэтому, для достижения большей точности результата представляется разумным расчёт вероятного количества знающих языки производить по отдельности для двух групп приходов⁸ – с русским и смешанным⁹ населением, – а затем сложить полученные значения. При этом, для обеспечения большей однородности групп, исходные данные следует перегруппировать.

В группу со смешанным населением отнесём все выявленные национальные приходы, дополним её недостающими сведениями об удмуртских приходах из списка Луппова¹⁰ и ещё о нескольких приходах с марийским и татарским населением, сведения о котором в ведомостях 1815 г. не приведены, но его наличие можно предполагать по местонахождению прихода в окружении национальных сёл, наличию в штате лиц знающих языки и указаниям более позднего времени¹¹. Всего в этой группе оказалось 98 приходов городских и сельских церквей с общим числом штатных мест 646. В числе их прихожан удмурты отмечены в 43 приходах, марийцы – в 51¹², татары – в 14, коми-пермяки – в 3, бесермяне – в 1.

Все оставшиеся приходы учитываются в составе группы с русским населением. Данные по обеим группам представлены в табл. 7.

Таблица 7

Сведения о знании языков священноцерковнослужителями Вятской епархии в приходах с русским и смешанным населением*.

Группа приходов	Кол-во налич. сцс.**, чел.	Количество знающих и не знающих языки, чел.						
		Нет сведений	Не знают	Знают	в т.ч. знают языки			
					удмуртский	марийский	коми-пермяц.	татарский
С русским населением	1357	1005	336	16	9	8	0	0
Со смешанным населением	562	142	159	261	179	93	5	4
ВСЕГО	1919	1147	495	277	188	101	5	4

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а.

** сцс. – священноцерковнослужители.

Для оценки репрезентативности данных, полученных в результате перегруппировки, обратимся к «Таблице достаточно больших чисел» [Мазур 2010, 134]. При допустимой ошибке $m = 0,05$ и вероятности $p = 0,95$ объём выборки должен составлять не менее 384 чел. Казалось бы, заданному условию удовлетворяет только выборка для группы со смешанным населением, где суммарное количество знающих и незнающих языки составило 420 чел., а выборка в 352 чел. для группы с русским

⁸ Деление на большее количество групп по национальности или соотношению прихожан разных национальностей нецелесообразно, поскольку: 1) в смешанных приходах нет прямой зависимости количества знающих языки служителей от численности прихожан той или иной национальности; 2) сведения, позволяющие объективно (в цифрах) судить о количественном соотношении прихожан разных национальностей, имеются лишь для небольшой части приходов.

⁹ В эту группу включены и приходы, где русских не было.

¹⁰ Сведения П. Н. Луппова о населении приходов имеют некоторые расхождения с ведомостью 1815 г.: так о с. Елганском, показанном Лупповым в числе удмуртских, ведомость сообщает, что «в приходе ни черемис ни вотяков нет»; так же и в с. Сарали ведомость удмуртов не отмечает, приход показан чисто русским. И наоборот, указанные в числе русских приходы сёл Верхокамского, Зюздино-Афаньсьевского и Зюздино-Воскресенского [Луппов 1911, XXIX–XXX (4-я паг.)] по ведомости оказываются заселены коми-пермяками, причем в первом из них русские не отмечены.

¹¹ Просмотрены сведения о городских и сельских приходах в конце XIX в., размещенные на портале «Родная Вятка». – URL: rodnaaya-vyatka.ru. Приняты во внимание приходы с долей национального компонента более 1%.

¹² В значительной части этих приходов доля марийцев была невелика. Количество же приходов с большой долей марийского населения было менее 30, что подтверждается таким фактом в 1820 г. вятская духовная консистория выписала книгу перевода на марийский язык Литургии Иоанна Златоуста из расчёта по одной книге во все марийские приходы, и выписано было всего 27 экземпляров [Туранов 2019, 497].

населением при той же вероятности даст несколько большую ошибку. Однако «Таблица достаточно больших чисел» рассчитана для случая, когда речь идет о дихотомическом вопросе, у которого максимальный разброс ответов 50 на 50 %, при другом соотношении такая выборка оказывается завышенной и может быть уменьшена исходя из данных о разбросе оценок [Добренев 2008, 124]. Расчёт выборки с учётом имеющейся предварительной информации о количестве знающих и незнающих языки даёт для группы с русским населением необходимый минимальный её объём в 67 чел., для группы со смешанным населением – 362 чел., что в обоих случаях меньше имеющейся естественной выборки. Таким образом, условие репрезентативности для обеих групп выполняется.

Полная численность знающих языки в каждой из групп рассчитана методом линейной экстраполяции и составляет в группе с русским населением 62 чел., со смешанным населением – 349 чел. Исходя из фактического объема выборки (в обеих группах значительно превышающего минимально необходимый) можно рассчитать какая при этом обеспечивается ошибка: для группы с русским населением ошибка составляет $m_{\text{рус}} \approx 0,022$, что, с учётом численности группы, даёт ± 30 чел.; для группы со смешанным населением – $m_{\text{см}} \approx 0,046$ и ± 26 чел. Суммируя результаты по обеим группам получим вероятное общее количество знающих языки 411 ± 56 чел. Таким образом, можно утверждать, что в 1815 г. среди штатных священноцерковнослужителей Вятской епархии количество лиц, знающих языки местных народов, было не менее 355 чел., и могло составлять 18–24 % от количества наличного штатного духовенства епархии.

Найденное значение общего количества знающих языки позволяет ещё раз оценить репрезентативность сведений, представленных в табл. 2–5. В социологических исследованиях при генеральной совокупности 200–500 чел. объем выборки должен быть не менее 50% [Мазур 2010, 135]. При общем количестве знающих языки 411 чел. естественная выборка из их числа в 277 чел. условию репрезентативности удовлетворяет.

Определение количества знающих языки священноцерковнослужителей в конце XVIII в.

Из табл. 4 видно, что в 1815 г. более половины знающих языки были в возрасте 35 лет и старше, и, очевидно, основная их часть начали свою службу ещё в XVIII в. С большой вероятностью можно предполагать, что те из них, кто в 1815 г. язык знал хорошо или вполне удовлетворительно, владели им уже при поступлении на службу, поскольку с детства проживали в новокрещенских сёлах. Очевидно, знающих языки было немало и среди тех, кто до 1815 г. не дожил. Выше отмечалось, что сведения клировых ведомостей о сроках поступления на службу недостаточно точны, тем не менее, опираясь на них, можно ретроспективно в первом приближении сделать оценку количества знающих языки в конце XVIII века.

Из-за спада миссионерской активности в конце XVIII – начале XIX вв. новых церквей в Вятской губернии открывалось мало, в основном за счет разделения старых больших приходов. При этом общая штатная численность священноцерковнослужителей почти не менялась и составляла около 2240 человек. Но штатные места были заняты не все, часть мест (около 15%) оставались незамещёнными: на них для обеспечения содержания были зачислены служащие консистории и духовных правлений, певчие архиерейского хора, ученики и учителя семинарии, малолетние сироты, а некоторая часть оставалась не занятой¹³. Количество наличного духовенства из года в год менялось незначительно и оставалось примерно постоянным – около 1920 человек¹⁴. Очевидно также, что знание или незнание языков не влияет на продолжительность жизни, и можно полагать, что доля знающих языки в некотором i -том году с течением времени изменяется незначительно и остается почти постоянной. Такое положение позволяет по данным ведомостей 1815 г. ориентировочно рассчитать количество знающих языки в предшествующие годы по формуле:

$$A_i = B_i \cdot a_i / b_i \quad (1),$$

¹³ Такое положение в рассматриваемый период было характерно и для других епархий Волжско-Камского региона. Так, в 1782 г. в Казанской епархии (к которой тогда ещё относились церкви южных уездов Вятской губернии) некомплектованность церквей наличными служителями составляла 18,2 % (рассчитано по ЦГА УР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1. Л. 82).

¹⁴ По подсчётам автора, количество наличного штатного духовенства (включая сторожей городских соборов, звонарей кафедрального собора и певчих архиерейского хора) в 1815 г. составляло 1919 чел., в 1809 г. – 1914 чел.

где:

i – индекс, указывающий год, для которого производится расчет;

A_i – расчетная численность знающих языки штатных служителей в i -м году, чел.;

B_i – известная общая численность наличных штатных служителей, чел. (принято $B_i = 1920 = \text{const}$);

a_i – подсчитанное по ведомости 1815 г. количество знающих языки, находившихся на службе в i -м году, чел.;

b_i – подсчитанное по ведомости 1815 г. общее количество штатных служителей, находившихся на службе в i -м году, чел.

В приведенной формуле показатели в числителе (a_i) и знаменателе (b_i) подсчитываются по одним и тем же источникам, что позволяет несколько сгладить погрешности, связанные с особенностями представления сведений. В табл. 8 представлены результаты расчетов количества знающих языки с интервалом в 10 лет. Однако расчет по каждому году в период с 1780 по 1800 г. обнаруживает значительный разброс получаемых результатов, поэтому в табл. 9 приведены минимальные (A_{\min}), максимальные (A_{\max}) и средние арифметические ($A_{\text{ср.}}$) значения по трем указанному периоду.

Таблица 8

Оценка количества священноцерковнослужителей Вятской губернии, знающих языки местных народов, в конце XVIII в.

Показатель	Обозначение	Год (i)		
		1780	1790	1800
Количество знающих языки, служивших в i -м году и остававшихся в духовном ведомстве в 1815 г., чел.	a_i	23	54	129
Количество всех служивших в i -м году, остававшихся в духовном ведомстве в 1815 г., чел.	b_i	143	309	752
Расчетное количество знающих языки штатных служителей в i -м году, чел.	A_i	309	336	329

Таблица 9

Разброс значений расчётного количества священноцерковнослужителей Вятской губернии, знающих языки местных народов, в конце XVIII в.

Показатель	Обозначение	Годы		
		1780–1786	1787–1793	1794–1800
Крайние значения расчетного количества знающих языки штатных служителей, чел.	A_{\min}	309	322	307
	A_{\max}	392	368	329
Среднее (за 7 лет) значение расчетного количества знающих языки штатных служителей, чел.	$A_{\text{ср.}}$	341	341	320

Проведённый расчет хотя и является приблизительным, однако полученные оценки позволяют утверждать, что в 1780–1800 гг. в Вятской губернии количество священноцерковнослужителей, знающих языки местных народов, превышало три сотни человек и было, по-видимому, лишь немного меньше, чем в 1815 г. Такое положение существовало уже на момент открытия Вятского наместничества¹⁵ (1780 г.) и можно предполагать, что сложилось оно в предыдущий период активной миссионерской де-

¹⁵ Вятское наместничество преобразовано в губернию в тех же границах в 1796 г., однако уже в 1780 г. именным указом Вятка определена «губернским» городом, а по отношению к наместничеству употребляется и термин «губерния» [ПСЗРИ 1830, Т. XX. 986]. Вероятно, поэтому и 100-летие Вятской губернии отмечалось в 1880 году.

тельности в 1740–1760-х гг., а Сенат и Синод, докладывая императрице в 1764 г. о немалом количестве знающего языки духовенства в новокрещенских приходах, были достаточно объективны.

Сопоставление рассчитанной численности знающих языки с количеством новокрещенских приходов и штатом их церквей позволяет полагать, что численность духовенства, знающего языки местного населения, составляющая 350–400 человек – вполне достаточный уровень для Вятской губернии в конце XVIII – начале XIX веков. Знание языков большим количеством священноцерковнослужителей никому бы не повредило, но могло оказаться невостребованным при отсутствии вакантных мест в новокрещенских приходах. Возможно, вопрос о централизованном обучении в Вятской семинарии удмуртскому и марийскому языкам потому и не стоял остро в рассматриваемый период, что для удовлетворения потребностей епархии в обновлении причтов удмуртских и марийских сел было достаточно того количества молодых людей, вновь поступающих на службу, которые обучались языку с детства под присмотром родителей в естественных условиях, проживая среди носителей языка. Не противоречит этой мысли и тот факт, что первым из языков местного населения в духовных учебных заведениях Вятской епархии начал преподаваться язык татарский: возможностей для его изучения в домашних условиях, подобно удмуртскому или марийскому, не было, а потребность в его знании была не только для работы с крещёными татарами, но и ввиду наличия в губернии значительного числа приверженцев конкурирующей прозелитической религии – татарского населения, исповедующего ислам.

Заключение

В результате проделанной работы удалось в общих чертах качественно и количественно охарактеризовать уровень знания духовенством Вятской епархии языков местных народов в конце XVIII–начале XIX веков. С большой уверенностью можно считать, что уже при учреждении Вятского наместничества в 1780 г. в приходах на его территории численность знающего языки духовенства превышала 300 человек и имела тенденцию к увеличению. В 1815 г. количество знающих языки штатных служителей было не менее 355 человек и могло составлять 18–24% от численности всего наличного штатного духовенства епархии. Более трети из них имели семинарское образование, а каждый десятый окончил полный курс семинарских наук, включая богословие. При этом и качественный уровень знания языков был довольно высок – более 2/3 от указанного количества владели языками свободно. Большую часть знающих языки составляли служители в священническом сане, многие из которых прошли обучение в высших классах семинарии.

В национальных приходах служители, знающие языки своих прихожан, занимали более половины штатных мест, и составляли около 2/3 от наличного состава духовенства. Неплохо обстояли дела в большинстве приходов, где проживали удмурты и марийцы: здесь каждый приход со значительным национальным населением имел по несколько священноцерковнослужителей, вполне удовлетворительно знающих язык прихожан. Несколько хуже обстояли дела там, где основную часть прихожан составляло русское население, а доля удмуртов и марийцев была невелика, а также в коми-пермяцких приходах: здесь обеспеченность знающим языки духовенством была ниже, в некоторых причтах таковых и вовсе не было. Села, где часть прихожан составляли крещёные татары, знающими их язык священноцерковнослужителями, были обеспечены ещё меньше: среди вятского духовенства знающих татарский выявлено только 4 чел., т.е. по 1 чел. на 3–4 прихода. Впрочем, приходов с татарским населением было относительно не много, и таких, где крещёные татары составляли бы большую часть прихожан, не выявлено – в большинстве из них татары составляли лишь малую долю. Эмпирически известно, что в местностях, где тот или иной народ проживает в окружении другого, составляя лишь небольшую долю населения, в силу коммуникативных потребностей некоторая его часть (как минимум) усваивает и язык соседей (в том числе и русский). Поэтому можно полагать, что в приходах с малой долей нерусского населения при отсутствии знающих язык священноцерковнослужителей затруднения в общении духовенства и прихожан были преодолимы.

В целом же можно считать, что в Вятской епархии в конце XVIII – начале XIX вв. обеспеченность «инородческих» приходов духовенством, знающим языки местных народов, была на довольно высоком уровне, достаточном для должного исполнения духовенством своих обязанностей во всех приходах. По-видимому, качественно этот уровень был достаточен для взаимопонимания с прихожанами, но христианская проповедь на языках местных народов была затруднена из-за отсутствия у них соответствующих понятий и терминологии. И если в рассматриваемый период успехи в просвещении упорствовавших в язычестве были незначительны, то причиной тому было не отсутствие знающих языки священнослужителей. Имевшийся потенциал позволил силами наиболее сведущих в языках

представителей приходского духовенства осуществить в 1803 г. переводы на удмуртский и марийский языки ряда вероучительных текстов и молитв, а затем, в 1821–1823 гг., и Евангелий, тем самым сделать первые шаги к широкому развитию этих языков. Полученные результаты позволяют лучше понять условия, в которых создавались первые переводные произведения на удмуртском и марийском языках в Вятской епархии.

СОКРАЩЕНИЯ

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи;

ЦГА КО — Центральный Государственный архив Кировской области;

ЦГА УР — Центральный Государственный архив Удмуртской Республики;

ЛИТЕРАТУРА

Добренков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. М.: ИНФРА-М, 2008. 768 с.

Ильминский Н. И. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань, 1885. 356 с.

Луппов П. Н. О первых вотских переводах источников христианского просвещения. Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905. 25 с.

Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Исследование. Вятка, 1911. 640 с.

Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 390 с.

Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 608 с.

Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии. Вятка: Буквица, 2007. 660 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. IX. СПб., 1830. 1026 с.

ПСЗРИ. Т. XI. СПб., 1830. 990 с.

ПСЗРИ. Т. XVI. СПб., 1830. 1122 с.

ПСЗРИ. Т. XX. СПб., 1830. 1043 с.

Сергеев О. А. Имена прилагательные в Кукарском рукописном памятнике марийского языка XVIII века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 2. С. 18–26.

Туранов А. А. К истории первого удмуртского перевода Евангелия Иоанна // Восточно-Европейский научный вестник. 2017. №1(9). С. 54–57.

Туранов А. А. К истории первых вятских переводов христианских текстов на марийский язык // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. Вып. 4. С. 80–87.

Туранов А. А. К истории первых переводов книг Священного Писания на марийский язык: Вятские переводы Евангелия // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 3. С. 495–502.

Туранов А. А. К истории перевода христианских текстов на удмуртский язык в Глазовском уезде Вятской губернии в 1803 г. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 1. С. 102–115.

ЦГА КО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 44

ЦГА КО. Ф. 237. Оп. 87. Д. 534.

ЦГА УР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1.

ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 65.

ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479а.

ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1053.

Чураков В. С. Авторство, датировка и история рукописи «Краткой отяцкой грамматики опыт» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10. Вып. 3. С. 184–196.

Gmelin J. G. Voyage en Sibérie. Vol. 1. Paris. 1767. 452 p.

Поступила в редакцию 17.01.2022

Туранов Андрей Алексеевич,
магистр истории,
Удмуртский государственный университет
e-mail: at63@mail.ru

A. A. Turanov

ON THE KNOWLEDGE OF LANGUAGES OF LOCAL PEOPLES BY THE ORTHODOX CLERGY OF THE VYATKA PROVINCE IN THE LATE XVIII–EARLY XIX CENTURIES.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-1-117-133

The mass Christianization of the peoples of the Volga-Kama region in the XVIII century made demands on the knowledge of their languages by the clergy, who were assigned the main role in educating "foreigners". This factor proved to be in demand in the late XVIII–early XIX centuries both by the need to strengthen the newly christened in the Orthodox faith, and by the increased scientific interest in the languages of the peoples of Russia: compilation of grammars and dictionaries, translation of religious texts into these languages. However, to date, the state of the clergy's knowledge of languages has not been described either qualitatively or quantitatively, which makes the ideas about the role of the clergy in these processes speculative. The purpose of this article is to give a quantitative and qualitative assessment of the level of knowledge of the languages of local peoples by the clergy of the Vyatka diocese and to determine its potential in working with proselytes and promoting science.

Documents from the beginning of the XIX century from the archives of Udmurtia and the Kirov region are used as sources for the study. The level of knowledge of languages in 1815 is determined using statistical methods, the assessment of the state in 1780–1800 is carried out by a retrospective method. The results of the study, giving quantitative and qualitative characteristics, are presented in the form of tables. These indicators allow us to come to the conclusion about the sufficient provision of new Christian parishes of the Vyatka diocese with clergy who knew the Finno-Ugric languages and the lack of those who knew the Tatar language, and also clarify the conditions under which the first translated works were created in the Udmurt and Mari languages.

Keywords: Vyatka province, Vyatka clergy, new Christian parishes, Udmurt language, Mari language, Komi-Permian language, Tatar language, language proficiency, quantitative assessment.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 1, pp. 117–133. In Russian.

REFERENCES

Dobren'kov V. I., Kravchenko A. I. *Metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methods of sociological research]. Moscow, INFRA-M Publ., 2008. 768 p. In Russian.

Il'minskii N. I. *Opyty perelozheniya khristianskikh verouchitel'nykh knig na tatarskii i drugie inorodcheskie yazyki v nachale tekushchego stoletiya* [Experiments in translating Christian doctrinal books into Tatar and other non-Tatar languages at the beginning of the current century]. Kazan', 1885. 356 p. In Russian.

Lupov P. N. *O pervykh votskikh perevodakh istochnikov khristianskogo prosveshcheniya* [About the first Votsk translations of the sources of Christian enlightenment]. Kazan', 1905. 25 p. In Russian.

Lupov P. N. *Khristianstvo u votyakov v pervoi polovine XIX v.: Issledovanie* [Christianity among the votyaks in the first half of the XIX century: a Study]. Vyatka, 1911. 640 p. In Russian.

Lupov P. N. *Khristianstvo u votyakov so vremeni pervykh istoricheskikh izvestii o nikh do XIX veka* [Christianity among the Votyaks from the time of the first historical news about them to the XIX century]. Izhevsk. UIIYaL UrO RAN Publ., 1999. 390 p. In Russian.

Mazur L. N. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Yekaterinburg. Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2010. 608 p. In Russian.

Ocherki istorii Vyatskoi eparkhii (1657–2007): 350 let Vyatskoi eparkhii [Essays on the History of the Vyatka Diocese (1657–2007): 350 years of the Vyatka Diocese]. Vyatka. Bukvitsa Publ., 2007. 660 p. In Russian.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire] (PSZRI). Vol. IX. Sankt Petersburg, 1830. 1026 p. In Russian.

PSZRI. Vol. XI. Sankt Petersburg, 1830. 990 p. In Russian.

PSZRI. Vol. XVI. Sankt Petersburg, 1830. 1122 p. In Russian.

PSZRI. Vol. XX. Sankt Petersburg, 1830. 1043 p. In Russian.

Sergeev O. A. *Imena prilagatel'nye v Kukarskom rukopisnom pamyatnike mariiskogo yazyka XVIII veka* [Adjectives in the Kukarskiy memorial manuscript of the Mari language of the XVIII century]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2017. Vol. 11. Issue 2. Pp.18–26. In Russian.

Turanov A. A. *K istorii pervogo udmurtskogo perevoda Evangeliiya Ioanna* [History of the first Udmurt translation of the Gospel of John]. *Vostochno-Evropeiskii nauchnyi vestnik* [East European Scientific Bulletin]. 2017. No.1(9). Pp. 54–57. In Russian.

Turanov A. A. К истории первых выатских переводов христианских текстов на мариискй язык [To the history of the first Vyatka translations of Christian texts into the Mari language]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2018. Vol. 12. Issue 4. Pp.80–87. In Russian.

Turanov A. A. К истории первых переводов книг Священного Писания на мариискй язык: Выатские переводы Евангелия [To the history of translations of books of Scripture into the Mari language: Vyatka translations of the Gospel]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019. Vol. 13. Issue 3. Pp.495–502. In Russian.

Turanov A. A. К истории перевода христианских текстов на удмуртскй язык в Глазовском уезде Выатской губернии в 1803 г. [To the history of the translation of Christian texts into the Udmurt language in the Glazov county of the Vyatka governorate in 1803]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2021. Vol. 15. Issue 1. Pp.102–115. In Russian.

TsGA KO. F.237. Op.70. D.44

TsGA KO. F.237. Op.87. D.534.

TsGA UR. F.26. Op.1. D.1.

TsGA UR. F.134. Op.1. D.65.

TsGA UR. F.134. Op.1. D.479a.

TsGA UR. F.134. Op.1. D.1053.

Churakov V. S. Авторство, датировка и история рукописи «Краткой отяатской грамматики опыт» [The Authorship, Dating and History of the Manuscript «Kratkoj otjatskoj grammatiki opyt» ("The Experience of Brief Overview of Udmurt Grammar")]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2016. Vol. 10. Issue 3. Pp.184–196. In Russian.

Gmelin J. G. Voyage en Sibérie . Vol. 1. Paris, 1767. 452 p. In French.

Received 17.01.2022

Turanov Andrey Alekseevich
Master of History,
Udmurt State University
e-mail: at63@mail.ru